

Сергей ЗАГНУХИН

Баба Юля

Туристские байки

**Новокузнецк
2017**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Сергей ЗАГНУХИН

Баба Юля

Туристские байки

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
3 14

ЗАГНУХИН Сергей Владимирович

Баба Юля : туристские байки / Сергей Загнухин ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2017. – 24 с.

© Сергей Загнухин

ЗАГНУХИН Сергей Владимирович родился 23 октября 1962 года в Новокузнецке. Закончил технологический факультет Сибирского металлургического института. За время учебы отслужил в армии. После института работал на заводе «Амурсталь» (Комсомольск-на-Амуре). Вернувшись в Новокузнецк, работал инженером-конструктором в сортопрокатном цехе КМК. Затем несколько лет проработал в лечебно-оздоровительном центре «Сенсус», видеоинженером на телевидении («10 канал» ННТ). В настоящее время – библиотекарь Новокузнецкой библиотеки им. Н.В.Гоголя.

В КЛФ «Контакт» пришёл летом 2003 года. Куратор клуба. Первая публикация – рассказ «Козлиная история» – в газете «Курс» (г. Белово) 22 декабря 2006 года. КЛФ «Контакт» издано три книги Сергея Загнухина.

Баба Юля

- Чтоб у них рог на лбу вырос!
- Лучше два!
- Да что там рог – сразу хрен.
- Моржовый!

Так костерили мы с тёзкой Сергеем руководство Красноярской железной дороги в целом, а особенно Абаканского её отделения, отвечающее за электричку до Бискамжы. Ругались, правда, вполголоса, и стараясь выбирать выражения, ведь на платформе, кроме взрослых туристов, тусовалось и подрастающее поколение со своими рюкзаками, палатками и прочими прибабасами... очень не хотелось подавать дурной пример этому племени младому.

Материть-то путейцев было за что: ну как можно подать состав всего из четырёх вагонов в день первого массового вылета туристов? Из года же в год 12 июня – начало праздника туристов-водников на Казыре, а по случаю четырёх выходных и остальные: пешеходники, скалолазатели и прочие пещеро-проходцы – двинули из цивилизации. Электрон, как минимум, раза в два длиннее нужно. И вот несколько сотен активного и горластого населения городов бузит на платформе и высказывается в адрес далёкого начальства.

Немного спустив пар, задумались мы с Серёгой: и что же дальше? Обрато к родным пенатам, полтора часа по железке? Выходит, зря вставали в четыре утра и пёхом тащились на вокзал, чтобы успеть в славный город Междуреченск на эту единственную электричку в сторону Хакасии? Завтра всё по новой?

Тут и услышали мы негромкий голос, обращённый явно к нам:

- Что, ребятки, приуныли, головы повесили?

Оборачиваемся: стоит рядом бабушка – божий колокольчик – самого туристического вида, одуванчиком её никак не назовёшь, и насмешливо так шурится. Прикид самый походный: выдавшая виды штормовка, под стать ей штанцы, короткие сапожки и нехилых размеров рюкзак за спиной. Начало лета, а уже прилично загорелая, лет сколько – не разберёшь, может оказаться и шестьдесят, и семьдесят, и больше, в общем – неопределённо-пожилого возраста. Но явно тёртая баранка, крепкая. Из тех, которые зачастую на тропе молодым феры сто очков дадут.

– Да вот, бабушка, и Юрьев день на горы случился, – говорю я, как более общительный, – а назад возвращаться неохота.

- Назад, как вниз, всегда успеем, лучше вперёд.

- А вперёд – это куда и на чём? – включился в разговор и Серёга.

– Путь всегда много, – охотно отозвалась бабулька. – Кто-то вот на Усу собрался, на лодочках – милое дело, кто-то в сторону Хакасии до Чульжана на автобусе намылился, там на Томь – каты надуют и тоже неплохо посплавляются.

– Мы не водники, нам потопать.

– Так пешком ещё больше возможностей.

– Например?

– Да вот, до того же Чульжана, там по шпалам до Бельсу, а завтра на той же электричке со «Студёного плёса», куда ваша душенька подскажет.

Слово за слово, решили скучковаться в одну компанию – у туриков это обычное дело – да так и поступить. Взвалили мы свои рюкзаки на плечи и двинулись к автобусной остановке. По дороге познакомились:

– Зовите меня баба Юля.

– Сергей!

– И я – Сергей.

– Замечательно, буду между вас идти и всю дорогу желания загадывать.

– Загадайте про погоду, чтобы без дождей.

– Договорились, будет вам погода.

Тут же на вокзале сели в автобус одиннадцатый номер и, поколесив по городу, поехали вдоль Томи, параллельно железке. Кроме нас, таких умных, сельдей с рюкзаками набилась целая банка, так что на остановках уже почти не тормозили. Садоводы, мечтавшие поскорее добраться до своих участков, были очень недовольны и тоже что-то кричали нам вслед.

По приезде водники потащили рюкзаки и гермо-мешки с баллонами на берег – надувать свои катамараны, а нас с Серёгой баба Юля послала на станцию: узнать, далеко ли топать до реки Бельсу. Оказалось, что всего с десяток километров.

А потом, уже на собственном одиннадцатом номере, почти как в песне «по шпалам, опять по шпалам», мы двинулись вперёд. Вот только шпалы теперь бетонные, и шагать по ним не так удобно, как по деревянным, поэтому, где возможно, спускались на грунтовку.

По дороге наша вперёдведущая завершила на заброшенную станцию «Геологическая» – тут раньше пионерлагерь был, а теперь домики и корпуса потихоньку разваливаются. А чтобы им местное население не помогло развалиться слишком быстро, приставлен тут сторож.

Познакомились – тоже Серёга оказался, невысокий такой живчик. Намолчался, видно, болезный, и с удовольствием приютил нас на перекус, заодно и сам немного подкрепился, попутно просвещая нас о своём житье-бытье.

Живёт он тут бесценно, провиант ему раз в неделю привозят, есть радио, и телевизор несколько программ берет. Для компании ему только собака по кличке Шельма, самой дворняжной наружности, ну с ней-то мы с первой познакомились – облаяла нас честь по чести, как ей по статусу и полагается, но с цепи особенно не рвалась.

Место для этого пионерлагеря выбирал человек понимающий – очень красиво тут всё: сторожка и хозяйственные постройки перегораживают долинку между пологих пригорков, на склонах которых, среди кедров и елей, прячутся домики корпусов. Отменно вкусной водой снабжает источник, бегущий дальше по лощине. Всё утопает в зелени, птичье музыкальное сопровождение лучше всяких оркестров. Гнездо одной из певуний, с чуть оперившимися птенцами, очень осторожно показал нам местный Серёга в одной из полуразрушенных построек. Сама мамаша тоже что-то тревожно чирикала поблизости, но я, как ни старался, так и не смог рассмотреть её в ветвях ивы.

Был соблазн остаться тут до завтра, тем более что «по требованию» электричка на этой «Геологической» останавливается, но и на Бельсу хотелось посмотреть, да и что мы за туристы, в конце-то концов – останавливаться, так толком и не пошагав. Перед расставанием баба Юля втиснулась между нас – трёх Сергеев, мы стояли почти равнобедренным треугольником – и что-то ещё загадала напоследок. Если про погоду, то очень удачно – она в этот день выдалась просто идеальная: без дождя, не жарко, постоянно дует ветерок, заодно гоня по небу почти непрерываемые облачные стада. Так что до вожделенной реки мы добрались без особых приключений, если не считать натёртых с непривычки плеч.

Место под лагерь выбрали на берегу Бельсу, не переходя ж/д моста, недалеко от слияния её с Тотьмою. Собственно, бивуак тут был оборудован задолго до нас, мы его только облагородили: немного расчистили полянку, подправили очаг из камней, а из брёвен, принесённых рекой в половодье, соорудили что-то типа скамеек. Первой выбрать место под палатку уступили даме, а потом и мы раскинули свои полотняные домики, устроились, как кумы королю: по отдельному апартаменту на персону.

Пока мы с Серёгой сутились насчёт дров, баба Юля выпилила из ивовой молодки три палки, метра так по полтора, и соорудила кухонную треногу, связав вершинки верёвочкой. Вот, век живи – век учишься; вроде и туристы мы со стажем, а не знали, что это сооружение так удобно для готовки: передвигая ноги и меняя высоту подвески котелка, можно с лёгкостью регулировать температуру, гораздо сподручнее, чем традиционной перекладной с рогульками. И таскать его за собой тоже не надо: из любых трёх палок соорудить ноги, из веточки с сучком – крючок, и вуаля.

По меню долго не спорили – заварганили суп харчо из пакетов, потом гречневую кашу и чай. Пока кипело наше варево, сам собой завязался разговор о планах.

– И куда вы, два Сергея, собирались прогуляться? – помешивая похлёбку, поинтересовалась баба Юля.

– Как обычно, до Лужбы, – первым среагировал мой тёзка.

– Что не на Казыр?

– Да там народу слишком густо, как-то мы не прикалываемся по многолюдству, – поддержал друга и я.

– А хоть раз бывали на этих водных покатушках?

– Да нет, не случилось.

– А стоило бы, ей-ей стоило бы, хоть разочек.

Тут подоспело первое блюдо, потом второе, нарезали хлеба, колбасы, я свою брынзу распаковал, расчихлили ложки-плошки, и на какое-то время стало не до разговоров.

Утолив голод и пропустив для начала по первой кружке чая, мы опять расположились к неторопливой беседе, и баба Юля продолжила свою агитацию:

– Народу, конечно, собирается немеряно, а к вечеру и выпивончик не под запретом, но место там очень особенное, поэтому инцидентов почти не случается.

– Чем особенное-то?

– Да энергетика очень дружелюбная, не конфликтная, а перебравших свои же товарищи потихоньку отводят на отсыпку.

Заметив наши не загоревшиеся энтузиазмом лица, агитаторша меняет тактику:

– К тому же никто не неволит оставаться на ночную дискотеку, лагерь-то можно разбить за сколько хочешь от танцполян. Слава Создателю – Казыр большой.

– Казыр большой – ему видней, – перефразирую я Высоцкого.

– Вот-вот. А от Лужбы вы куда хотите?

– На Хунул-Хузук – озеро динозавра.

– Неужто верите?

– Ну, верить не верим, а вдруг... даже телевизионщики там караулили. Место-то в любом случае красивое.

– Вдруг даже кошки не котятся... Ладно, расскажу я вам всю правду.

И под вторую-третью кружки чая с ванильными пряниками поведала нам занимательную байку:

«Озеро это, как вы знаете, находится в «Золотой долине», а долина получила своё название от золотого корня – родиолы, то есть, розовой, если по-научному, – что бы там туристы ни думали о золотых закатах и неземных красотах. И как-то одна артелка добытчиков этого корня решила развести там плантацию. Поставили домик и дежурили по очереди, а для компании и молока завели туда козу.

И вот однажды бригадир этой артели, как раз до него очередь дошла сторожить эти родиолы, косил для своей козы траву неподалеку от озера. Мимо шли туристы, поздоровались и спрашивают:

– Для кого сено готовите?

А он шутник был изрядный и, не задумываясь, им выдал:

– Для динозавра! Тут у нас такая же чуда, как в Лох-Нессе, водится, вот я её и подкармливаю, чтобы не безобразила. Приручил каждый день в

семь утра выползать за очередной порцией. – Лицо при этом держал предельно сурьёзное, даже не улыбнулся.

И вот на следующий день с утра пораньше пошёл ещё покосить по росе, глядь, а вся эта компания на берегу выстроилась с камерами и фотоаппаратами. Но... никто не вылез, он же отговорился тем, что животинка осторожная и такой толпы и шума испугалась, приходите, мол, поодиночке, тогда, может, и повезёт.

Вот от той компании туристов и пошел слух, видно, и до телевизионщиков дошел».

Посмеялись мы с Серёгой, а я спросил, откуда эта история ей известна.

– Так от него самого и известна, мы с этим бригадиром старые знакомцы.

После обеда и мытья посуды, прилегли мы все по палаткам отдохнуть – всё-таки вставать слишком рано пришлось. Да мне что-то не уснулось, поворочался-поворочался, взял фотик и решил обследовать окрестности.

Бельсу – река горная, одна из большой троицы таёжных притоков Томи, вместе с Амзасом и Казыром, но тут, в предгорьях, течёт вполне спокойно. Обследовав этот берег, через мост перебрался на другой. Побродил по галечному, с песчаными пропеллинами, пляжу, заглянул в рошу тополей-патриархов, и, выйдя на небольшую поляну, как будто попал в сказку: посреди лужайки тянулись вверх дружными компаниями молодые папоротники, с ещё не до конца расправившимися вершинками. Тут как раз солнышко проглянуло между облаков и осветило эти маковки мягким светом, создав эффект светло-зелёного ореола на более тёмно-зелёных перьях, как будто диковинные павлины, испугавшись меня, спрятали головы в землю, оставив снаружи только хвосты. Всю эту стаю окружали, как своего рода жёлто-салатовые застывшие взрывы, охалки володушки золотистой. Тут и там всполохи огоньков и звёздочки незабудок дополняли палитру прогалины, охраняемой, подобно былинному богатырю на страже, мощным побегом борщевика. Фоном этому буйству красок служило негромкое пение реки и птиц, выводящих свои нехитрые мелодии.

Потом солнце опять скрылось, сказка поблекла, и я побрёл на Томь, помедитировать на вездесущих рыбаков. Не знаю, что они там поймали, но я бы ни за что не стал часами торчать в воде в резиновых комбинезонах или болотниках.

В лагерь вернулся ближе к вечеру, когда товарищи уже разожгли костерок для ужина. Под сумеречные тары-бары баба Юля возобновила свои агитбеседы и уговорила-таки нас посмотреть на большой сбор водников. Выполнив эту великую миссию, она пошла спать, пообещав разбудить нас ни свет ни заря.

Мы с Сергеем посидели ещё у костра и пришли к выводу, что место тут хорошее, и если с электричкой вновь случится облом, можно просто пройти по Бельсу, только лагерь перенести подальше от железки. Зрелище, конечно, впечатляющее – когда огромный железный дракон, разрывая темноту пламенем прожектора и лязгая всеми своими

сочленениями и фермами моста, врывается на виадук, проносится мимо и уносится вдаль... Посмотреть такое полезно раз-другой, как грубое и зримое воплощение мысли о противоборстве цивилизации и природы... и земля дрожит не по-детски... но спать-то это мешает очень конкретно... ведь просыпаешься же каждый раз.

Подскочив в очередной раз с коврика от дрожи земли, я понял, что нет смысла укладываться вновь, ибо пришло время вставать... Но вылезать из тёплого спальника, как всегда, не хотелось. Провалившись до последней возможности – уже баба Юля вместо колокольчика застучала топориком по котелку – мы всё-таки выбрались из своих палаток.

Есть в раннем подъёме и свои плюсы: всё делается быстро, птицы с утра орут особенно радостно, и река укутана туманной вуалью – отличные мгновения для съёмки. В темпе умылись, перекусили, собрались, и в путь, щёлкая по дороге затворами фотоаппаратов. Хотя наклоняться к каплям на травинках с рюкзаком за плечами – удовольствие ещё то, но чего не сделаешь ради хорошего кадра.

На платформе «Студёный плёс» мы были одни и в вагон на этот раз попали без проблем, даже сидячие места нашлись. До остановки «Казыр» тоже добрались без приключений, разве что платформы тут никакой нет, и из вагона пришлось прыгать прямо на крутую насыпь. Бабу Юлю внизу мы ловили вдвоём. За переправу через Томь лодочник изъясил у нас по семьдесят пять рябчиков – не очень приятная неожиданность... но куда деваться – монополия. А в общем – всё это мелочи.

Праздник сплавщиков и буйный Казыр сторицей окупили все издержки. Недаром туристы говорят, что Бог создал эту реку, как земной рай для всей водноплавающей братии: от каякеров и байдарочников до катамаранщиков. Тут идеальные условия для спортсменов любого уровня: для чайников пороги попроще, для чемпионов – суперсложные, особенно по большой воде, как сейчас. Одни названия чего стоят: «Каша», «Молоко», «Три фашиста» и «Чёртовы ворота». «Молоко» – потому что от бурунов вода белая, как кипящее ключом молоко, а тут же следом три чёрных камня – «Три фашиста», об которые расшибёт насмерть и зазевавшегося каякера, и перевернувшегося и смытого в воду катамаранщика. Сам Казыр ревет в таких местах, как раненый мамонт, заглушая все разговоры, общаться тут можно только криком, а буйство его первозданной мощи заражает и тебя частичкой своей текучей, буйной энергии.

В общем, продвигаясь вверх по течению, мы набрались впечатлений на долгие годы. В перерывах между порогами и бурунами тоже находилось чем полюбоваться: в городе черёмуха отцвела, а тут в самой силе, огоньки цветут целыми полями, на придорожных каменных навалах на склонах гор Междуказырского хребта как раз распустились розовые гроздья бадана. А воздух... воздух... эх, если можно было набрать его в какой-нибудь мешок!

И людей встречали исключительно весёлых и доброжелательных, особенно запомнились молодые наяды в гидрокостюмах, красоту которых

не портили даже спасательные жилеты, так что пятикилометровый путь осилили только часов за восемь. Народу резко поредело, когда проезжая дорога закончилась и началась туристическая тропинка. Прошагав по ней километра полтора, мы и раскинули свой лагерь как раз напротив «Чёртовых ворот».

Погода выдалась ясная, жаркая, ни облачка на небе, поэтому, едва установив палатки и собрав дров на обед, я поспешил спуститься под берег, поискать место для омовения. Купаться в Казыре – себе дороже: как во всякой уважающей себя горной речке, вода тут не только быстрая, но и ледяная, так что народ больше практикует окунание в более-менее тихих заводях. Таковую я и нашёл чуть ниже порога. Тут оказался даже небольшой квадратик чистого песка в сплошном каменном ложе, с которого удобно было опускаться в струи.

Раз! Два! Три раза с головой в этот жидкий лёд – и с еле сдерживаемым криком быстрее на берег. Блаженство! Нирвана! Весь пот и усталость этого знойного дня смылись и унеслись с потоком. Какие-то иголки пробегая по всей коже, выравнивая и балансируя потоки внутренней энергии! Мысли тоже унеслись куда-то вдаль. Напряжение и тревоги целого трудового года начинают спадать с плеч...

Возрождённый, поднимаюсь к лагерю и быстрее отправляю Сергея в эту природную лечебницу. Баба Юля воздержалась, ещё и меня осадил, когда я решил на тот пляжик переехать с палаткой:

– Негоже отрываться от друзей, да и слишком близок к воде твой песочек, вот я попрошу Казыр ночью подняться и залить его, – а сама так, будто шутейно, щурится, собрав вокруг глаз снопики мелких морщинок.

Вроде прикалывается... но как-то с серьёзницей в голосе, так что я чем-то отшутился и не стал палатку тревожить. Тут снизу раздался сдавленный вскрик – Серёга погрузился. Вскоре и он сам появился – весь свеженький, как огурчик. Тогда баба Юля попросила нас согреть самый большой котелок воды и погулять часок где-нибудь по горным склонам. Это запросто, взяли фото-видео и пошли на прогулку – налегке-то чего не побродить.

Так вот то да се, глядь – и солнышко к закату. Пока бродили, мы набрали листа чёрной смороды, малины и немного чёрных, перезимовавших под снегом листьев бадана для вечернего чая. Дилетанты, слышавшие только звон про бадан, пытаются заваривать свежий, зелёный лист и получают себе боль в животе, а чёрный придаёт напитку немного тяжеловатый, чуть землистый основательный вкус, неплохо уживающийся с доминирующим смородиновым.

У неперемогенного костра, само собой, тянет неторопливо и обстоятельно поговорить, поделиться дневными впечатлениями и разными историями.

Я рассказал про свой первый поход, вот как раз сюда – на Казыр, лет около двадцати назад, ещё с брезентовой палаткой и рюкзаком типа садовый мешок. Лодочной переправы тогда не было, и через Томь мы

переходили вброд. Сильным течением меня два раза сбило с ног и понесло по течению, ибо по неопытности я попёрся в воду босиком... без шеста... да ещё этот рюкзаковый мешок на плечах болтается – равновесие нарушает. Как-то я оба раза умудрился дно поймать и даже поклажу не потерять. На всю оставшуюся жизнь урок запомнился, больше никогда горные реки без хорошей палки не бродил.

Серёга поведал нам о своём первом походе, я только подхихикивал и поддакивал, ибо в тот раз я сам вёл эту исключительно разношёрстную компанию. Судите сами: я – после пары-тройки несложных походов, ещё чайник-чайником; с нами зачем-то пошла матёрая туристка, настоящая лосиха... до сих пор помню, какими глазами она смотрела на меня и остальных при всех наших бляениях; сам Сергей шёл в самый-самый первый раз, и две женщины, точно такие же первоходки. Женщины быстро устали и перессорились... планы по ходу дела мы меняли раз семь... прошли всего километров десять... да к вечеру ещё и дождь пошёл... какое там восхождение на голец, переночевали и обратно.

Баба Юля долго смотрела на огонь... и рассказала про одного художника. Сам он родом из наших мест, но живёт и работает в Москве. Довольно известный живописец, не бедствует, но вот набрался в столице какой-то хвори, да так серьёзно, что чуть ли не концы собрался отдавать. А напоследок решил забраться на пик Большого Зуба, была у него, оказывается, всю жизнь такая мечта. Приехал и попросил своих друзей-туристов сводить его туда. Пара надёжных товарищей согласилась, но даже до подножия не дошли, накрыла их непогода где-то на высоте альпийских лугов. Конкретная такая непогода: то дождь, то туман, то всё вместе. Основное занятие все эти дни у них было – мечта лентяя: лежание в палатке. И что ж вы думаете – оказалось, что на той высоте, где-то тысяча двести метров, давление было точь-в-точь как в лечебной барокамере, да ещё воздух горный, да ароматы альпийских цветов и вода со снежников... И вылечился ведь. Теперь каждый год приезжает, и в то самое место на недельку... а Большой Зуб так и не покори́л.

Рассказала баба Юля свою байку и пошла на боковую. Серый тоже недолго задержался, а меня что-то в размышлизмы кинуло: несколько часов сидел, понемногу подбрасывая дровец в костер и слушая шум вод близкого Казыра. Досиделся до того, что послышались в этом гомоне струй какие-то голоса, толкующие не пойми что, а потом даже четыре строчки в голову пришли:

Горная речка шумит,
Струи бегут и поют.
Что-то она говорит,
Только вот я не пойму.

Прочитал я их пару раз вслух – и тоже полез в палатку от греха подальше, чтоб ещё какое просветление, сносящее крышу напрочь, не накрыло.

Утро выдалось славным, проснулись под неистовство пернатого племени, побегали по окрестностям в поисках разных росинок, былинки да жучков-паучков, а перед завтраком получили в фотомодели целую... мышшь. Да не простую, а наркоманку. Дело вот в чем: на ночь всё барахло мы растащили по палаткам, а то разные куницы и росомахи вполне могли навести ревизию продуктов, да и косолапый хозяин тут не сказочный персонаж. И вот, вытаскивая вещи на полянку, Серёга обнаружил в пакете с одеждой лесную мышку без признаков жизни. Только мы собрались взгрустнуть о её безвременной кончине, как она начала оживать: задёрнула лапами, попробовала пискнуть. Мы поскорее выложили её на травку и занялись расследованием. Оказалось, что мышка-ворушка прогрызла дырочку в пакете, где среди одежды лежала футболка, обработанная антиклещевым препаратом; соответственно, надышалась и не смогла выбраться. А ведь счастье было так близко, там, рядом, стоял такой же пакет с едой.

Пока мы проводили экспертизу, жертва прогресса немного оклемалась, мы её засняли, положили рядом кусочек сыра и занялись своими делами. Через какое-то время обнаружили, что гостья исчезла, а сыр не тронула, видно, не до еды ей было.

После завтрака баба Юля объявила нам план сего дня:

– Свою я вас, ребятки, на одно заветное место. Пойдём налегке, возьмите только по пакету.

– Ну, пакет не рюкзак, отчего не прогуляться.

Закинули мы всё в палатки, застегнули накрепко замки-молнии и двинулись.

Налегке-то налегке, но встретились и прижимы средней паршивости, и по курумам – каменным рекам – попрыгать пришлось. Зато встретили остатки весенних лавин и на вершины со снежниками полюбовались. Топать пришлось до притока Казыра – Сургаса; вообще-то он ручей, но разлился так, что соваться в него было смертельно опасно. Кстати, за ночь и Казыр поднялся, так что мой пляжик на стоянке слегка подтопило, вовремя меня баба Юля постращала.

От Сургаса, посидев на берегу и умывшись ледяной водой, мы двинулись в тайгу, на тайную поляну, где увидели то, чего никогда не видели...

Нет, удивить кого-то в Сибири колбой (черемшой) сложно, её у нас божжеватые сограждане ещё из-под снега начинают выкапывать и продавать. Но чтобы выше колена высотой... и толщиной с лыжную палку... да ещё сплошной стеной... такого точно не видел. Да она ещё мягкая, сочная и чуть ли не сладкая, так что пару хворостин вполне можно смолотить без соли и лука.

Насобирали, кому сколько надо, обрезали листья – чего силос-то таскать – и в обратный путь. Напоследок хранильница этих богатств дала нам наказ:

– Место это заповедное, знают о нём, вместе с вами, от силы человек десять, пусть так и останется, а то набегут барыжники да вытопчут и выведут за несколько лет.

Мы клятвенно пообещали и двинулись к лагерю.

Ближе к вечеру баба Юля предложила снять лагерь и перебазироваться ближе к переправе на Томи, ну, чтобы завтра не опоздать на лодку. Мы взялись было спорить, мол, завтра быстренько добежим. На что она ответила:

– Это вы быстренько, а я медленно и печально.

– Да что-то не заметили особой печальности.

– Вот – уходилась за эти дни. Не оставите же старушку.

Оказалось, что, пока мы ходили окунаться, она уже собралась, поэтому выйти решила тотчас, наказав нам особенно не торопиться:

– Догоните по дороге, если надумаю отдыхать, то рюкзак у дороги оставлю, так что мимо не пройдёте.

На том и порешили.

Минут через сорок и мы двинулись. На тропинке разминуться негде было, потом вышли на дорогу и пошли... Идём и идём, идём и идём... и широким таким шагом – нет нашей бабы Юли, и рюкзака не видно. Вот тебе и медленно-печально. Уже полпути позади, народу стало много попадаться, многие навеселе, но, как она и говорила – все культурненько, даже про выпивку какой-то нетрезвый перец спросил у нас вполне вежливо:

– Извините, мой вопрос может показаться бестактным, но нет ли у вас водки?

Я просто сказал, что нет, и он спокойно побрёл дальше со своей не более трезвой спутницей.

Вот уже и развилка к переправе, а даже тени нашей спутницы нет. Уже и сама переправа. Тут какая-то компания с гитарой у костра песни поёт. Пригляделись – и там не видно. Выбрали быстренько место, натянули палатки – дело-то к вечеру – и пошли в народ, разыскивать нашу пропавшую.

Подходим. Компания довольно разновозрастная, вполне на вид трезвая. Поздоровались и спрашиваем:

– Не видели пожилую туристку? Вышли в дорогу по очереди, да не догнали.

– Обогнали, наверно, свернула отдохнуть, вы и обошли.

– Да не должны, она обещала рюкзак у дороги оставлять, а его не спугаешь – самошитый из разноцветных кусков.

– Сшитый из кусков? – встрепенулась одна немолодая женщина. – А как звали вашу пропажу?

– Бабой Юлей представилась.

– И давно вы её знаете?

– Да в Междуреченске на платформе позавчера познакомились.

– В чём одета была?

– Штормовочка старая, сапоги короткие резиновые, шляпа туристская, когда-то розовая.

– Неужели?.. – покачала головой наша собеседница.
– Что такое?
– Вам крупно повезло, – с завистью в голосе ответила она, – баба Юля – местная легенда.

– Расскажите, пожалуйста!

Люди у костра тоже оживились:

– Да, Рая, расскажи.

– Ну-ка, ну-ка.

– Интересно.

Мы присели в круг потеснившихся людей. Сказительница устроилась поудобнее и начала:

– В некотором царстве, в некотором государстве...

– Раиса Ивановна!

– Ладно, слушайте. Фамилия и отчество уже забылись, а звали её точно – Юлия. Работала на железке, сопровождающим почтовые вагоны. Личная жизнь не удалась, с мужем развелись, но серьёзно увлеклась туризмом. Причём всяким: на скалы лазила, в пещеры спускалась, по рекам сплавливалась, ну и пешком, конечно. А как на пенсию вышла, так вообще из походов не вылезала, во все сезоны. Лучше неё, наверное, никто родную природу не знал. И вот однажды летом собралась она как будто в обычный поход: надела штормовку свою старенькую, сапожки резиновые, шляпочку розовую; взяла рюкзачок свой пёстренький, из кусочков самолично сшитый, такую же палаточку, собственными руками простроченную...

– Верно! – не удержался Серёга. – Палатка тоже самошивка.

Народ на него зыркнул, но промолчал. Раиса Ивановна, между тем, продолжала:

– Собралась, значит, так и в Кузнецкий Алатау направилась... – рассказчица выдержала драматическую паузу. – Больше её в тот год никто не видел... подумали: тайга, всякое бывает, и не искали особенно, ибо никому не сказала она – куда идёт.

– И что потом?

– Потом? Да стала она являться то тут, то там, и помогать туристам. Помогала по-разному: заблудившихся выводила, утопившим продукты и голодающим харчи приносила, заболевших лечила, поссорившихся мирила, чайников учила. Другим просто дорогу подсказывала, а кому и не поймёшь, почему являлась: присоединится к компашке, расскажет пару историй и пропадёт опять в тайге.

– Вроде как нам, – обронил я потихоньку.

Рассказчица услышала и заметила:

– Когда-нибудь поймёте. Но в походах вам теперь везти будет, это точно.

Кто-то из молодых спросил:

– Так кто же она теперь?

– По-разному считают, но скорее всего, её назначили хранительницей здешних мест, покровительницей туристов.

– Кто назначил?

– Кому положено, тот и назначил, нам не положено – мы и не знаем.

Все притихли, переваривая услышанное, мы тоже постояли в задумчивости, потом поблагодарили за рассказ и отправились к себе: мистика мистикой, а ужин по расписанию.

В тишине сварили ужин, но аппетит куда-то делся, чуть поковыряли пшёнку с топлёным маслом, а вот чаёк пошёл на ура, в первый раз на практике проверили, как это – пить его дюжинами чашек. Не залпом, конечно, а с чувством, с толком, с расстановкой. Говорили немного, пустословить не хотелось, а по делу и сказать особенно нечего было, в основном пытались понять, чему же нас научила баба Юля. Вспомнили все её байки, вроде ничего особенного – не дзенские притчи.

Так чему же? Может, просто не отступать назад, пока можно идти вперёд?..

Между тем полностью стемнело, костёр изредка постреливал еловыми сучьями... еле слышно шелестела вода... Возшла луна... Огромная, ярая, полная – полнее некуда. И как раз над самой шириной реки, высветив на её черноте яркую дорожку. Сначала довольно узкая, по мере восхождения ночного светила, она становилась шире и шире, теряя в интенсивности, но добавляя в стробоскопии. Чешуйки отблесков, растекаясь по поверхности, притягивали взгляд, одновременно рассеивая его. И в какой-то момент мне показалось, что по этой дорожке шагает невысокая фигура с рюкзаком на плечах. Глаза моргнули от неожиданности, взгляд прояснился, и мираж исчез, оставив просто лунную дорожку на воде, которую всё-таки можно рассматривать часами.

Тишина... покой... умиротворение... чувство гармонии в мире... За одно это можно горячо поблагодарить бабу Юлю, кто бы она ни была.

Байка про снежного человека

Нравится мне летом забуриться с палаткой и парой надёжных товарищей подальше от цивилизации. Вот это я понимаю – отдых. Заберёшься куда-нибудь в Горный Алтай: река Катунь несёт мимо твоих ног свои ледяные молочно-бирюзовые воды прямо с Беловодья; невысокие горы, поросшие лиственницей и берёзой, обступают вас в речной долине; воздух такой, что дышишь им – не надышишься. Найдёшь небольшой песчаный пляжик, разуешься и, забредя неторопливо по щиколотку в этот священный холод, умоешься после трудного перехода, а то и окунёшься раза три с головой, поплавать-то нормально не везде можно, да и не каждый решится: вода студёная и течение быстрое, зато усталость от перехода смывается вместе с потом моментально.

Ещё в походе почти обязательно встретишь какого-нибудь замечательного человека, а то и не одного. Вот и этим летом мы своей великовозрастной

командой: я, Тамара и Александр Юрьевич, встали на Катунь, недалеко от впадения в неё речушки Бийки, катунская-то вода мутновата и с песочком, а отстаивать не всегда время есть или желание. Тут и встретились с Серёгой из Омска. Ещё сравнительно молодой, невысокий, худощавый, но сравнительно крепкий, заросший бородой по самое не могу, он в одиночку ходил на озеро Манас, да заплутал немного. Попал в сплошные туманы и мороси, да в безводной местности, а как надоело с тента воду по каплям собирать, так назад и повернул. За две недели намолчался, сердешный, так что поговорить очень хотелось, тут как раз мы ему и подвернулись.

У костерка, да под чаёк, уже через час – как будто сто лет знакомы. Конечно, мы ему коротко о себе: Тамара, мол, ветеран всех видов туризма, после пенсии из походов почти не вылезает; Юрьевич – преподаёт по скрипке в музыкальной школе, хоть тоже уже достиг пенсионных лет; ну и я, по сравнению с ними – зелен виноград, широко известный в очень узких кругах. Серёга тоже о себе в двух словах доложил: младший научный в каком-то там ВУЗе, но в основном увлечён поисками снежного человека. На Манас тоже ходил в надежде подкараулить этого таинственного гоминида.

Тема про йети, вообще, оказалась очень благодатной, у каждого нашлось, что сказать по этому вопросу. Тем более, наш губернатор Тулеев сделал снежного человека одним из брендов Кузбасского лыжного курорта Шерегеш и объявил неплохую награду за доказательства его существования. Даже сам Валуев приезжал и нашёл стоянку и следы в Азаской пещере. Правда, все дружно подумали, что следы эти оставил сам боксёр, по виду – родной брат того йети, только менее волосатый. В общем, эти изыскания все мы дружно посчитали обычной пиар-акцией. Но среди местных краеведов и энтузиастов давно ходит много вполне правдоподобных историй. Наша Тамара – неисчерпаемый источник разных баек, она-то и рассказала нам самую, на мой взгляд, интересную, поведенную ей самим организатором той экспедиции – Геннадием Хариным – пожалуй, самым известным и самобытным кузнецким исследователем.

Как-то «во времена укромные, теперь почти былинные» увлёкся Гена Харин снежным человеком. А встречали его, по рассказам из ближайших к нам мест, чаще всего в Горной Шории. Так что не поленился Гена объехать многие шорские улусы и деревни, да порасспросить всех, кто согласился об этом поговорить. И выяснил он одну интересную закономерность, ускользнувшую от других искателей, чаще всего с местным йети встречались аборигенские женщины: или в тайге натыкались и пускались наутёк, или у посёлков встречались и отступали к жилью под защиту собак и мужчин. Несколько легенд даже повествовали о похищении шорок снежным человеком, кому-то, вроде, даже удавалось убежать. Некоторым даже с детьми, которых успевали к тому времени прижить, или без – это уж кому как повезло.

Из чего сделал Гена вывод, что случаются у снежного человека какие-то трудности с его снежной женщиной, или, как и любой нормальной

мужик, любит тот сходить налево. Вот на этом и решил наш искатель подловить йети да ещё на сгущёнку. Так что, не особенно афишируя свои выводы, в каждую свою экспедицию старался Гена заполучить хотя бы одну здоровую и в самом соку половозрелости, женщину. И про сгущёнку не забывал, благо, в те времена она вся была отменного качества.

Ну, в летние походы ему не повезло: то ли йети был слишком осторожен, то ли сыт, то ли не озабочен. Решил тогда Харин попытать счастья зимой, и тут ему повезло уговорить пару знакомых турист-экстремалов на экзотический медовый месяц. Так почти из ЗАГСа и улизнули молодожёны на вокзал, отпустив родню и друзей пьянствовать в ресторан. Рюкзаки и снаряжение они заранее, конечно, собрали, Гена их со всем этим в такси ждал, а расписывались прямо в походном, немного шокировав работников официоза и гостей.

Ночь ехали в поезде, утром высадились на маленькой станции и засветло добрались на лыжах до охотничьей заимки в тайге, с хозяином Гена заранее договорился. Молодым Харин отдал избушку, а сам ночевал в баньке, одному там места вполне хватало, да и снежного человека караулить удобней.

Днём они ходили по окрестностям в поисках следов реликтового гоминида: поднимались на сопочки и горки, спускались на лёд замёрзших таёжных речек, скользили между могучих пихт и кедров, но всё напрасно. Нет, следов-то было в избытке: звериных да птичьих, а вот ничего, похожего на человеческую ступню, им не попадалось. К сумеркам они обычно топили баньку, парились, потом ужинали, и Гена оставлял парочку

наедине, а сам потихоньку занимал наблюдательный пост. Открытую баночку сгущёнки, он, конечно, не забывал поставить на чурбачок для колки дров, но больше надеялся на другую приманку. Ружьишко у него, понятное дело, тоже на всякий случай под рукой было, с дробовым патроном, им же при надобности и разбойницу-росомаху можно было отпугнуть.

Так, можно сказать, и отдыхали на свежем воздухе несколько суток, пока не пришла та особенная ночь. Правда, она ничем не отличалась от всех предыдущих, и предчувствия Гену не посещали: всё было как обычно. Настолько, что наблюдатель даже задремал у своего окна...

И вдруг... сквозь сладкую полудрёму... Гена услышал тихие странные звуки:

– Уррр... уррр... чаф, чаф, чаф...

Моментально очнувшись, он протёр глаза и, млея от сладкого предчувствия, глянул наружу... Вот, вот он – предмет его вожделенных поисков: там, у чурбачка, стоял во всей своей красе йети – снежный человек и пожирал сладкую сгущёнку, выковыривая рукой застывшую на морозе белую массу. С наклонённой вперёд головой и сведёнными к банке руками этот снежный джентльмен больше всего походил на небольшой, поросший волосами или шерстью платяной шкаф.

К сожалению, других подробностей при неверном свете далеко не полной луны разглядеть было сложно. Тут молодожёнам видно пришло время для более близкого познания друг друга и благих для демографии трудов, потому что йети прекратил уничтожение сгущёнки и, не выпуская банки, двинулся к окну избушки. Геннадий немного рассмотрел коротковатые ноги гоминида, на которых тот подбирался к стене странноватой переваливающийся, как бы утиной походкой. Уже у стены исследователь прикинул рост любопытного брата по разуму – метра под два.

Снежный ловелас, между тем, замер у стены, стараясь рассмотреть подробности в подмёрзшем окне избушки. Пока Геннадий потихоньку расчищал своё, обстановка резко изменилась: откуда-то из-за ближайших пихт на первого йети налетел второй – чуть поменьше ростом и пошире в бёдрах. В руках он, или, скорее, она, что-то держала и принялась этим чем-то дубасить своего не совсем верного благоверного. По скудости освещения, Гена толком не разглядел: была ли это большая кость, просто палка или какая-нибудь кухонно-костровая принадлежность.

Любитель клубнички, между тем, стремительно побежал в лес, что-то успокоительно ухая на ходу. За ним, почти не отставая, держалась его вторая половина, порываясь заехать по загревку ещё хоть разок. Во мгновение ока эта парочка скрылась из виду.

Придя в себя, Гена смеялся минут десять, молодожёны же так ничего и не заметили.

Как только рассвело, Харин попробовал пройти по следам, но с утра замела позёмка и быстро съела все отпечатки разыгравшейся ночью драмы. Последнее, что обнаружил Гена, было большое утрамбованное лежище под

кедром-патриархом, к стволу которого на высоте где-то с метр была приклеена на смолу банка сгущёнки без даже микроскопических следов сладкого содержимого. Похоже, снежный человек мирился со своей снежной половиной тысячелетиями проверенными методами: сладкими подарками и повышенным вниманием. Из чего Геннадий сделал однозначный вывод: йети – хоть и снежный, но, несомненно, человек. Брат не только по разуму, но и по всему остальному.

Мы тоже посмеялись Тамариному рассказу. Закралось у меня, было, подсознательное подозрение, что сама Тамара и была той молодой, чисто по другим её рассказам, но я благоразумно не стал вслух озвучивать эту версию... Ибо у огня, как раз в опасной близости, лежали наши кухонно-костровые принадлежности.

Невеста Кутха Этнографическая байка

Звонок прозвенел уже пять минут назад, а преподавателя всё не было. Учиться в последний день перед Новым годом не тянуло, хоть тресни, и студенты с нетерпением выжидали положенное время, чтобы сорваться с пары. Самые нетерпеливые уже потянулись к раздевалке, но тут же недовольной стайкой стали заплывать обратно. Подгоняя последних, в аудиторию зашёл зав. кафедрой, по виду – типичный академик Павлов – при шапочке и бородке клинышком. Проществовав на кафедру, он объявил:

– Георгий Петрович приболел, так что последний урок нам придётся сосуществовать вместе.

Студенты понимающе закивали: Георгий Петрович периодически «приболевал» после праздников, а тут, видимо, сорвался заранее. Заведующий, старый друг болезного, уже не первый раз его прикрывал.

– И чем же мы займёмся, любезные?

Заниматься любезным ничем не хотелось, и они поспешили озадачить преподавателя:

– А скажите, профессор, в какой-нибудь традиции есть аналог нашей Снегурочки?

Тот усмехнулся, разгадав нехитрую студенческую хитрость, но принял правила игры, так как тоже не горел желанием возиться с должниками или начинать новую тему.

– Снегурочки, говорите... ну, наострите уши – расскажу вам одну историю...

Давно это было, я тогда только-только кандидатскую защитил. Пришлось нам как-то в декабре спешно отправиться в неплановую экспедицию: исследовать только что открытое племя в Якутии.

Почему спешно? Да у них раз в пятьдесят лет случается свадьба Кутха, такой возможности нельзя было упустить. Начальником экспедиции

назначили Илью Васильевича Вяземского, светлая ему память, помощником – меня, да ещё напросилась к нам аспирантка Зинаида, серая такая мышка, всё никак личную жизнь не могла устроить и от этого в науку ударилась. Вот не хотели же брать, но очень настойчивая девица попалась, да и тема у неё больно подходящая была: что-то о новогодних обрядах малых народов.

Прилетели в Якутск, оттуда на «кукурузнике» над зелёным морем тайги до какого-то посёлка. Дальше на вертолёте добрались до большого стойбища якутских эвенков, оттуда на оленях по руслам рек и речушек отправились дальше.

Как сейчас помню: полозья нарт поскрипывают в такт движения, снег укутал всё вокруг белейшим покровом и поблескивает бриллиантовыми искрами – без тёмных очков полный каюк глазам, ели и пихты тянутся вверх, принаряженные как невесты, будто это из них Кутх-создатель будет выбирать себе жену.

Вёл нас один местный следопыт, вот запомятовал... да мы и тогда звали его только Дэрсу Узала – такой же бродяга-охотник. Собственно, он и открыл это племя, они его от смерти спасли, подобрали в тайге: отогрели, откормили и чуть не обженили – у себя хотели оставить. Да не усидел на одном месте. От него местные власти и узнали про это племя, понятия не имеющее о том, что живут в Стране Советов. Так и до Академии слух дошёл, вот и снаряжали нас, как на ловлю блох: быстрее, ещё быстрее.

Окончательно вчетвером до стойбища этих независимых оленеводов-охотников добирались на лыжах, общую поклажу наш Дэрсу вёз на нарте. Прибыли засветло. Встретили нас хорошо: отогрели, напоили чаем из чаги и допустили на обряд жертвоприношения оленя. Потом в самом большом чуме угощали его мясом, все побывавшие на обряде должны отведать хоть кусочек, такой у них обычай. Но вегетарианством никто из нас не баловался, даже Зинаида, сидя с женщинами у входа, уплетала с удовольствием. Хорошо ещё, что сырьём не пришлось есть, большую часть мяса сварили. Любители сыринки сидели отдельно: слева от очага, мы же, через толмачество Дэрсу, уяснив ситуацию, дружно откочевали вправо.

Удивительный народ: язык похож на кетский, уклад скорее эвенкийский и якутский, верования, тот же Кутх, более чукотские. Вот и новый год, на который мы так поспешали, встречают 21 декабря, как чукчи. У якутов-то он весенний – в конце мая с пробуждением земли, у кетов – осенью, перед началом охотничьего сезона.

Вечером пришёл местный сказитель и спел легенду о вороне Кутхе и его жене. Долго кайчи выступал: то на хомусе поиграет, то горловым пением завибрирует, а наш толмач спать, что ли, сильно хотел, пересказал совсем коротенько:

– Сотворив всё, шибко устал ворон Кутх и решил отдохнуть. А когда же и отдыхать, однако, как не в старости. Стал он морозным дедом, зимой там дело-то было. Завалился в чум и захрапел. Так разоспался шибко и такого

холода напустил, что солнце замёрзло и свалилось в море. Темно стало. Пришли люди к Кутху, разбудили: верни нам солнце. Пришлось ему там опять вороном стать и в воду нырять. Достал солнце и говорит: нужна мне жена, однако, чтобы не давала шибко крепко спать. Вот и выбирают люди каждую пятидесятую зиму под новый год ему невесту – снежную девку.

На следующий день с утра весь народ высыпал на лёд реки, молодые парни прорубь продолжили, девки давай вокруг неё кругами ходить, да петь что-то протяжное, шаман появился, в бубен пару раз ударил, а потом к нам подходит и что-то по своему талдычит и на Зинаиду рукой маячит. Как на грех толмач наш куда-то отошёл. Ну, Вяземский по кетски немного понимал, перевёл нам:

- Девка мужняя?
- Нет, – говорит, – свободная.
- Айда к невестам.

Илья Васильевич отговаривать, а Зина как услышала – невесты, так и кинулась в хоровод, совсем с ума съехала.

Ну ладно, девки опять кругом пошли, а шаман тут уже не на шутку закамлал: в барабан лупит, медведем ревёт, вороном каркает – и заскакал чуть не выше своего роста. Долго так бесновался, даже у нас в головах мутиться стало. Тут всех девушек выстроили в ряд и дают в руки по куску рыбы. Нашей тоже. Потом принесли откуда-то ручного ворона и выпустили летать на верёвочке. Тот пару кругов сделал и прямо к Зинке на руку сел. Народ давай радоваться и нам что-то талдычит, вроде поздравляет.

Прибегает тут наш Дерсу, лицо белее снега:

– Что наделали?! Невесту Кутха там сейчас разденут, окунут в прорубь и будут поливать водой, пока совсем не замёрзнет. Шибко чокнулись вы, однако.

Кинулись мы к шаману, куда там – Кутх сам жену выбрал, другой не примет. Побежали за ружьями, не тут-то было: сбили с ног, связали и в тот же чум сволокли. Лежим мы как болванчики, а снаружи праздник великий, как же – ещё полвека жить можно спокойно.

Выпустили нас утром, собрались мы быстренько, встали на лыжи и, пряча глаза, отправились восвояси. Напоследок всё-таки обернулись: стоит наша Зинаида обнажённой на взгорочке... белая, как у греческих богинь, кожа сияет ледяной коркой в первых лучах восходящего солнца совсем неземной красотой. А за ней сгрудилось всё племя этих истинных детей природы, как бы защищённое этой хрупкой грацией от всех бед и напастей.

Все студенты, особенно девушки, слушали затаив дыхание, даже на звонок не отреагировали, пока кто-то не спросил:

- Профессор, и что же вы?
- Мы-то... да написали протокол, что утонула в проруби.
- Как же так?

– А что, карательный отряд надо было привести? Это же мы пришли в их мир, а наш устав в том монастыре не действителен. Да и Зине-то мы

уже ничем помочь не могли. А так кто знает... может, она и стала женой создателя и матерью целого племени, пусть и на время.

Эко

Отдыхал я как-то дикарём в Горном Алтае. Встал лагерем на берегу Катуня. Сбылась мечта. Тепло, живописно, безлюдно. Полное отдохновение.

Все стихии налицо. Земля – во всех видах: скалы, песок, почва. Вода – священная река Катунь. Огонь – солнце и костёр. Воздух – не надышишься, ещё и с ветерком. Эфир – почти осятум.

Вспомнился тут мне совет, прочитанный где-то в пору изучения неоязычества: отдавать свои проблемы стихиям. Например, воде. А тут – такая река. Унесёт любые проблемы – не догонишь.

Нашёл я в скалах на берегу замечательное место, настоящее каменное кресло. Утеплить-смягчить сиденье и спинку. Сел спокойно, с прямой спиной. Расслабился. Сосредоточился на дыхании. И начал понемногу вспоминать, какие такие у меня проблемы есть. Личные, в семье, на работе, в общении – внешние; внутренние – лень, раздражительность, гордость, тщеславие и т. д. и т. п., далее по списку. На выдохе же потихоньку всё это отдаю на воду.

А солнце греет, ветерок обдувает, река шумит-перекачивает. Все мысли постепенно куда-то исчезли, личность моя как бы растворилась. Появилось пронзительное ощущение бытия, глубокого покоя и внутреннего единства со всем окружающим.

Вот из этих покоя и единства почудилось мне сначала слабо, а потом всё уверенней, будто из монотонного гула реки рождаются слова. Голос переливчатый и немного ворчливый, как у доброй старушки. Говорит же примерно так:

«Вот ещё один умник нашёлся, надумал свои заботы в мир выплеснуть. Мало того, что своей химией-физией реки-моря отравили, так теперь додумались умные головы и свои моральные нечистоты в мировой океан сливать. А того понятия нету, что вода и так помогает людям – снимает с них эту грязь, насколько возможно. Но ведь всё это никуда не девается – копится где-то, копится. А потом, нате-здрасте, прорвётся где-нибудь в виде обострения какой-никакой обстановки или там цунами-торнадо. И начинаются «охи-ахи»: как жестока бывает природа, собрать быстрее гуманитарную помощь. Ещё и собой довольны останутся: какие мы добрые-гуманные. А это как бы совместный продукт человеческой жизнедеятельности, ему же на голову и вывалился.

Так что ты, мил-человек, решай-ка свои проблемы сам, а на воду лучше другие дары отдай – любовь там, радость, надежду. Я их с удовольствием приму и туда, где очень не хватает, – доставлю. Так-то вот, милоч. Не забывай, что тебе матушка Природа через свою дочку Катунь передала, и другим Расскажи. Глядишь, жизнь на Земле немного и получшеет».

Выскочил я из этого состояния как-то резко, словно отпущенный грешник – из котла. Матушки мои! Солнце за гору зашло, посвежело здорово, седалище отсидел, спина затекла. Ощущение – как будто в другой мир попал. Смотрю вокруг, что твой инопланетянин.

Как поход закончил – слабо помню, словно в подвешенном состоянии. Домой вернулся настоящим язычником, то есть твёрдо убеждённым в том, что природа живая, в отличие от большинства нео-, среди которых кого только нет, от любителей фольклора до ярых националистов.

И задумался: как же с другими поделиться всем этим. Последователей собирать пока не тянет, в психушку тоже неохота. Решил написать фантастический рассказ. Вдруг кто всерьёз задумается и сделает выводы. А?

Содержание

Баба Юля.....	4
Байка про снежного человека.....	15
Невеста Кутха	19
Эко.....	22

На первой и четвёртой страницах обложки и на страницах 2 и 23
– фото Сергея Загнухина в Золотой долине (лето 2007)

На странице 17 – картина Всеволода Иванова
«Изгнание, или Вторгшийся во владения»

Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»